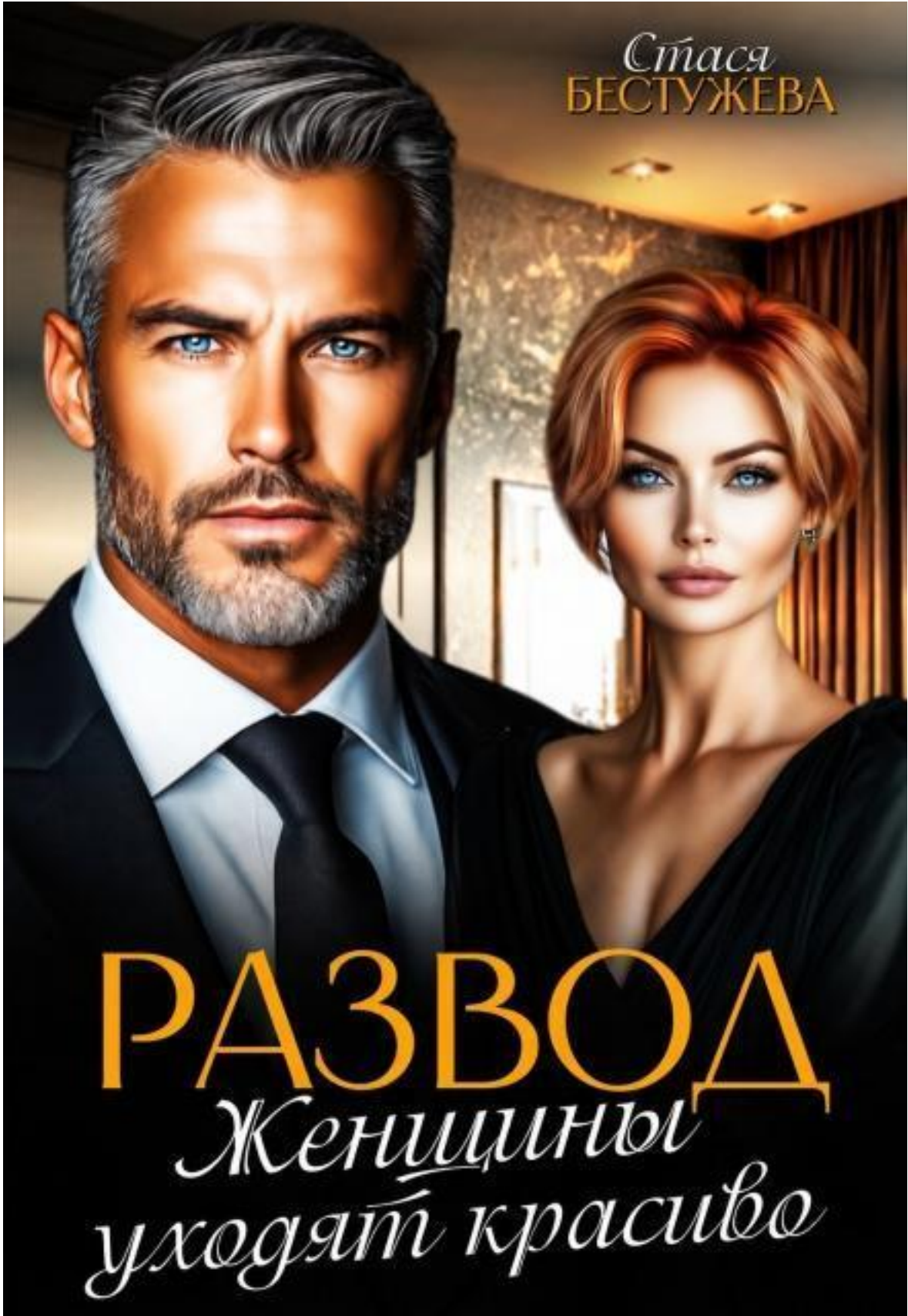

Стася
БЕСТУЖЕВА

РАЗВОД

*Женщины
уходят красиво*

Стася Бестужева

Развод. Женщины уходят красиво

«Литнет»

2026

Бестужева С.

Развод. Женщины уходят красиво / С. Бестужева — «Литнет», 2026

Они держатся за руки через стол. Его большая ладонь накрывает ее тонкие пальцы с ярко-красным маникюром. Она смеется, запрокидывая голову назад, и я вижу ее лицо... красивое, молодое, сияющее. Олег наклоняется к ней и целует в шею так нежно, так интимно, как не целовал меня уже лет десять.***Я стою и смотрю на эту картину, не в силах пошевелиться. Двадцать лет брака, двое детей, общие мечты и планы... все это рушится в один момент. Мой муж поднимает голову, и я вижу его лицо в профиль. Он улыбается так, как давно не улыбался дома. В его глазах горит тот огонек, который я помню по нашим первым свиданиям. Когда в последний раз он так смотрел на меня? Девушка достает телефон и делает селфи с Олегом. Он не сопротивляется, наоборот, обнимает ее за плечи и целует в висок. Для всего мира они... влюбленная пара, у которой все впереди. А я - просто призрак прошлого...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1

Стою перед зеркалом в прихожей и поправляю волосы в последний раз. Сегодня особенный день... Олег наконец-то получил назначение на должность регионального директора банка. Мой муж шел к этому целых пять лет, и я так горжусь им. Букет алых роз в одной руке, бутылка коллекционного коньяка «Хеннесси» в другой... тот самый, что мы покупали на годовщину свадьбы. Хочу устроить ему сюрприз в ресторане «Империя», где он сегодня ужинает с деловыми партнерами.

У меня тоже есть новость, которой хочу поделиться. Сегодня утром мне позвонили из строительной компании «Альфа-Девелопмент» и сообщили, что мой проект прошел конкурс! Я получила заказ на дизайн торгового центра... мою мечту последних пяти лет. Представляю, как обрадуется Олег. Мы оба сегодня на вершине успеха.

Выхожу на улицу. Февральский екатеринбургский вечер встречает меня колючим ветром, но на душе тепло. Мне сорок два, и за плечами двадцать лет брака, но я все еще хочу делиться с мужем самыми важными моментами жизни. Мы прошли через так много вместе... рождение детей, финансовые трудности в начале карьеры, мои попытки вернуться в профессию после декрета.

Такси везет меня через знакомые улицы центра города. Смотрю в окно и думаю о том, как изменилась наша жизнь. Когда мы встретились в университете, он изучал экономику, я — архитектуру. Оба мечтали покорить мир. Потом была свадьба в двадцать два года, медовый месяц в Крыму, первые годы счастья. Мы строили планы, мечтали о детях, о доме, о карьере.

Потом родилась Арина, и я временно оставила работу. Через два года появился Данил. Олег делал карьеру, я занималась домом и детьми. Это было правильно тогда, но теперь я готова вернуться к своим мечтам. И сегодня они начинают сбываться.

Ресторан «Империя» встречает меня приглушенным светом и звуками живого джаза. Я знаю, что Олег любит сидеть за угловым столиком у окна — оттуда открывается красивый вид на вечерний город. Иду через зал, улыбаясь официантам. Цветы в руках привлекают внимание других посетителей, но мне все равно. Сегодня я счастливая жена, которая хочет поздравить любимого мужа.

Поворачиваю за колонну и вижу знакомый силуэт за угловым столиком. Олег сидит спиной ко мне, его широкие плечи в любимом темно-синем пиджаке. Но с ним не деловые партнеры. Напротив него сидит молодая рыжеволосая девушка в элегантном черном платье. Я останавливаюсь как вкопанная.

Они держатся за руки через стол. Его большая ладонь накрывает ее тонкие пальцы с ярко-красным маникюром. Она смеется, запрокидывая голову назад, и я вижу ее лицо... красивое, молодое, сияющее. Ей явно нет и тридцати. Олег наклоняется к ней и целует в шею так нежно, так интимно, как не целовал меня уже лет десять.

Мир вокруг меня начинает плыть. Звуки ресторана становятся приглушенными, как под водой. В ушах стоит звон. Розы дрожат в моих руках, лепестки осыпаются на пол. Бутылка кажется невыносимо тяжелой.

Я стою и смотрю на эту картину, не в силах пошевелиться. Двадцать лет брака, двое детей, общие мечты и планы... все это рушится в один момент. Олег что-то шепчет девушке на ухо, и она снова смеется. В этом смехе столько легкости, беззаботности. Она не знает о счетах за коммунальные услуги, о родительских собраниях, о бессонных ночах у детских кроваток. Она просто молода и свободна.

Мой муж поднимает голову, и я вижу его лицо в профиль. Он улыбается так, как давно не улыбался дома. В его глазах горит тот огонек, который я помню по нашим первым свиданиям. Когда в последний раз он так смотрел на меня?

Девушка достает телефон и делает селфи с Олегом. Он не сопротивляется, наоборот, обнимает ее за плечи и целует в висок. Для всего мира они... влюбленная пара, у которой все впереди. А я — просто призрак прошлого, который стоит в тени колонны с увядшими розами.

Официант подходит ко мне и спрашивает, нужна ли помощь. Я качаю головой и отворачиваюсь. Нужно уйти отсюда, пока они меня не заметили. Не знаю почему, но мне стыдно. Стыдно за то, что застучала мужа, стыдно за свою наивность, стыдно за то, что до сих пор люблю человека, который предает меня в этот самый момент.

Иду к выходу, стараясь не оборачиваться. Ноги ватные, сердце бешено колотится. У гардероба роняю цветы. Когда наклоняюсь поднять их, вижу, что половина лепестков уже на полу. Как символично.

На улице меня обжигает холодный воздух. Только сейчас понимаю, что плачу. Слезы замерзают на щеках, но я их не вытираю. Стою возле ресторана и не знаю, куда идти. Домой? К детям? Притворяться, что все в порядке?

Достаю телефон дрожащими руками. На экране сообщение от Олега, отправленное час назад: «Встреча затягивается, приду поздно. Целую». Ложь. Самая обычная, бытовая ложь, которую он, наверное, пишет мне уже не первый месяц.

Глава 2

Бреду по темным улицам Екатеринбурга, не чувствуя холода. Ноги сами несут меня домой, а в голове крутится одна мысль: когда все пошло не так? В какой момент я потеряла мужа? Или он никогда по-настоящему не был моим?

Останавливаюсь у светофора на Ленина и вдруг ясно вспоминаю наш первый поцелуй. Было это двадцать лет назад, в том же феврале, возле главного корпуса УрФУ. Я торопилась на лекцию по архитектурному проектированию, он догонял меня, размахивая учебником по макроэкономике.

– Вера, подожди! – кричал он тогда. – Я же сказал, что хочу пригласить тебя в кино!

Обернулась и увидела его красное от мороза лицо, смешно торчащие из-под шапки темные волосы. Олег Морозов, третий курс экономического факультета, отличник и комсорг группы. Все девчонки в нашем общежитии вздыхали по нему, а он выбрал меня – худенькую студентку-архитектора с длинной косой и старомодными очками.

– Зачем тебе кино со мной? – спросила тогда. – У тебя же Светка Волкова на крючке.

– Светка – это прошлое, – серьезно ответил он. – А ты... ты особенная. Я это понял, когда увидел твои чертежи. У тебя талант, Вера. Ты будешь знаменитым архитектором, а я стану успешным банкиром. Мы покорим весь мир!

Тогда это звучало как сказка. Мы действительно верили, что покорим мир вместе. Две недели он ухаживал за мной, как в старых фильмах: носил цветы, писал записки, ждал после лекций. А потом поцеловал у входа в общежитие, и я поняла – это навсегда.

Зеленый свет. Иду дальше, погружаясь в воспоминания. Наша студенческая свадьба в двадцать два года. Мама плакала: "Рано вы, детки, рано." Олегова мать, Тамара Ивановна, морщилась: "Она же из простой семьи, Олежка. Папа твой инженер, а ее отец – слесарь на заводе."

Но мы никого не слушали. Расписались в марте, в загсе на Малышева. Я была в простом белом платье, которое сшила подруга по курсу. Олег – в единственном темном костюме, одоженном у соседа по общежитию. Свидетелями стали наши сокурсники. После загса пошли в кафе "Юность" – на большее денег не было.

– Будешь самой красивой женой самого успешного банкира в городе, – шептал мне Олег в ухо за праздничным столом. – У нас будет большой дом, красивые дети, поездки за границу. Я все для тебя сделаю.

Медовый месяц провели в Крыму, в дешевой гостинице в Феодосии. Но для меня это был рай. Мы гуляли по набережной, купались в холодном майском море, строили планы на будущее. Олег рассказывал о карьере в банке, я – о своих архитектурных проектах.

– Представляешь, построю жилой комплекс на берегу моря, – мечтала я, лежа на его плече в гостиничном номере. – Красивые дома с панорамными окнами. А ты будешь кредитовать такие проекты. Мы станем командой!

– Станем, – целовал меня в макушку. – Обязательно станем.

Первые три года после свадьбы были счастливыми. Мы снимали однушку на Уралмаше, считали каждую копейку, но были безумно влюблены. Олег устроился в небольшой банк кредитным консультантом, я – в проектный институт чертежницей. Зарплаты мизерные, но нам хватало.

По вечерам сидели на крошечной кухне, пили чай с печеньем "Юбилейное" и рассказывали друг другу о работе. Олег изучал банковское дело, я осваивала новые компьютерные программы для проектирования. Мы росли профессионально и поддерживали друг друга.

Помню, как я получила первую премию за удачно выполненный проект. Тысяча рублей – для нас тогда целое состояние. Олег устроил праздник: купил бутылку шампанского и торт "Наполеон" в кондитерской.

– Моя жена – гений! – кричал он, поднимая бокал. – Скоро о тебе вся страна узнает!

– А мой муж скоро станет управляющим банком, – отвечала я. – Мы покорим этот мир!

Но потом я забеременела. Нежданно, негаданно. Мы предохранялись, но так случилось. Тест показал две полоски в тот день, когда мне предложили повышение – перейти в проектный отдел архитектором.

– Что будем делать? – спросила Олега, показывая тест.

Он обнял меня и прижал к груди:

– Рожать, конечно. Я всегда мечтал о детях. А работа подождет.

Тогда мне казалось, что работа действительно может подождать. Год-два декрета, а потом вернусь и продолжу строить карьеру. Но жизнь распорядилась иначе.

Арина родилась в феврале, такой же морозный день, как сегодня. Я лежала в роддоме и думала: вот она, новая глава нашей жизни. Олег не отходил от меня, носил передачи, покупал цветы.

– Она на тебя похожа, – говорил, глядя на дочку. – Такая же красивая. Вырастет и станет архитектором, как мама.

Первый год материнства был тяжелым. Арина плохо спала, часто болела. Я не высыпалась, нервничала, чувствовала себя оторванной от мира. Олег работал все больше – нужны были деньги на ребенка. Приходил поздно, уставший, засыпал сразу после ужина.

Романтики поубавилось. Вместо разговоров о карьере и планах – обсуждение памперсов и детского питания. Вместо походов в кино – бессонные ночи с плачущим ребенком. Но я думала: это временно. Все молодые родители через это проходят.

Когда Арине исполнился год, я попыталась выйти на работу. Нашла няню, договорилась с прежним начальником. Но через месяц Арина заболела, няня уволилась, а начальник намекнул: "Может, сидели бы дома, пока ребенок маленький?"

– Не расстраивайся, – утешал меня Олег. – Я получаю повышение, станет больше денег. Посиди дома еще годик.

Годик превратился в два, потом в три. А потом я снова забеременела. Данил появился, когда Арине было два с половиной. Снова декрет, снова бессонные ночи, снова откладывание карьеры.

– Двое детей – это здорово, – говорил Олег, качая сына на руках. – Теперь у нас полная семья. Ты замечательная мать, Вера.

Я хотела быть не только матерью, но и профессионалом. Но времени на себя не было вообще. Дом, дети, быт – все это лежало на мне. Олег работал с утра до ночи, строил карьеру. И строил успешно – через пять лет после свадьбы он стал заместителем управляющего, еще через три – управляющим отделением.

Мы переехали в трешку на Малышева, купили машину, стали ездить на дачу к Олеговым родителям. Жизнь налаживалась, но я чувствовала себя все более чужой в своей собственной семье. Муж рассказывал о работе, дети – о школе, а я могла говорить только о стиральном порошке и школьных обедах.

Помню тот день, когда поняла: я исчезла как личность. Было это лет пять назад, на корпоративе в Олеговом банке. Меня представляли: "Это Вера, жена нашего управляющего." Не дизайнер Вера Морозова, не архитектор, а просто "жена управляющего".

– А чем вы занимаетесь? – спросила жена одного из партнеров банка.

– Я... домохозяйка, – ответила и впервые за много лет почувствовала стыд.

В ту ночь не могла заснуть. Лежала рядом с мирно спящим Олегом и думала: что со мной стало? Где та девчонка, которая мечтала строить красивые дома? Куда делась Вера-архитектор?

Утром сказала мужу:

– Хочу вернуться к работе. Дети подросли, я могу заниматься дизайном.

Олег отреагировал спокойно:

– Если хочешь, попробуй. Но только без ущерба для семьи. И зарплата у тебя все равно будет меньше моей, так что главное – это мой доходы.

Я поняла: он не воспринимает мою работу серьезно. Это так, хобби для души. А настоящие деньги приносит он.

Начала с малого – делала ремонты знакомым, создавала дизайн-проекты квартир. Работала по ночам, когда все спали. Постепенно появились клиенты, заработала репутацию. Но Олег по-прежнему относился к этому как к увлечению.

– Опять до трех ночи за компьютером сидела? – ворчал утром. – Лучше бы выспалась, а то целый день ходишь как зомби.

– Мне нравится то, что я делаю, – отвечала я.

– Понимаю. Но семья важнее хобби.

Хобби. Он так и не понял, что для меня это не хобби, а способ остаться собой. Способ доказать миру и себе: я не просто жена банкира Морозова, я Вера, и у меня есть талант.

За последние три года мои доходы выросли. Иногда я зарабатывала за месяц столько же, сколько Олег. Но он продолжал считать свою работу главной, а мою – второстепенной.

– Хорошо, что у тебя есть интересное занятие, – говорил снисходительно. – Не все жены успешных мужчин могут найти себе хобби по душе.

А сегодня утром, когда мне позвонили из "Альфа-Девелопмент" и сообщили о победе в конкурсе, я была счастлива как ребенок. Мечтала рассказать Олегу, поделиться радостью. Думала, он наконец поймет: его жена не просто домохозяйка с хобби, а профессиональный дизайнер.

Но вместо этого увидела его с молодой любовницей.

Дохожу до дома и останавливаюсь перед входом. Двадцать лет. Половина жизни с человеком, который, оказывается, давно разлюбил меня. Или никогда не любил по-настоящему?

Может, я сама виновата? Слишком погрузилась в детей, в быт, потеряла себя как женщину? Олег женился на яркой студентке-архитекторе, а получил усталую домохозяйку, которая говорит только о школьных проблемах и сломанном кране.

Но ведь я пыталась! Последние годы старалась выглядеть хорошо, интересоваться его делами, поддерживать в карьере. Радовалась его успехам искренне. А он... он нашел себе молодую любовницу, которой не нужно объяснять, почему важно прийти на родительское собрание.

Поднимаюсь в квартиру медленно. На каждом этаже останавливаюсь и вспоминаю что-то еще. Как мы покупали эту квартиру десять лет назад. Олег тогда сказал:

– Это наш семейный дом. Здесь дети вырастут, а мы состаримся вместе.

Вместе. Какой же я была наивной.

Глава 3

Ключи в замке. Олег дома. Слышу, как он вешает пальто в прихожей, ставит портфель на обычное место. Все как всегда. Будто не было того ресторана, той рыжеволосой девушки, того поцелуя в шею.

Сажу на кухне с чашкой остывшего чая и смотрю в окно. За стеклом мелькают огни соседних домов, а в голове до сих пор крутится картинка: его большая ладонь на ее тонких пальцах, ее смех, их селфи. Как легко он обнимал ее за плечи, как естественно целовал в висок. Словно они пара, а не любовники, встречающиеся тайком.

– Вера? Ты дома? – голос из коридора такой обыденный, домашний.

– На кухне, – отвечаю и удивляюсь, что голос звучит нормально.

Олег входит, расстегивая галстук. Тот самый синий в мелкую полоску, который я подарила ему на день рождения два года назад. Тогда он обнял меня и сказал: "Ты знаешь мой вкус лучше, чем я сам." А сегодня он был в этом галстуке на свидании с другой женщиной.

– Как дела? – спрашивает, подходя к холодильнику. Достает бутылку воды, делает глоток. Обычные бытовые движения мужа, вернувшегося с работы.

– Нормально, – говорю и встаю, чтобы разогреть ужин. – А у тебя как встреча прошла?

Вопрос повисает в воздухе. Олег замирает с бутылкой в руке. На долю секунды в его глазах мелькает что-то похожее на... страх? Или мне кажется?

– Встреча? – переспрашивает он.

– Ты же писал, что встречаешься с инвесторами. Как все прошло?

Лицо разглаживается, Олег расслабляется:

– А, да. Хорошо прошло. Долго тянулось, конечно. Ты знаешь этих московских – любят поговорить. Но в итоге договорились о кредитной линии на сто миллионов. Неплохо для первой встречи.

Он рассказывает легко, с подробностями. О том, как московские партнеры опаздывали, как официант перепутал заказ, как один из инвесторов оказался выпускником нашего университета. Олег всегда умел врать. Еще в университете мог придумать правдоподобную историю о том, почему опоздал на лекцию или не сдал курсовую в срок. Но тогда это казалось милой особенностью, проявлением изобретательности. А сейчас...

Достаю из духовки запеканку. Руки дрожат, и я крепче сжимаю форму, чтобы не уронить. Олег не замечает – он все еще рассказывает о несуществующих московских партнерах.

– А что у тебя? – спрашивает, садясь за стол. – Как день прошел?

Поворачиваюсь к нему спиной, делаю вид, что занята тарелками. А сама думаю: сказать? Выложить все прямо сейчас? "А знаешь, дорогой, я видела тебя в ресторане с рыжеволосой шлюхой. Как дела с кредитной линией на ее груди?"

– Обычно, – отвечаю вместо этого. – Работала над проектом для Петровых. Они хотят переделать гостиную.

– М-м-м, – мычит Олег, уже уткнувшись в телефон. Листает новости, но я вижу край экрана – там мелькают уведомления из мессенджера. Интересно, она уже написала ему? Что-то вроде: "Спасибо за прекрасный вечер, мой дорогой"?

Ставлю тарелку перед ним. Запеканка с брокколи и курицей – его любимая. Раньше он всегда хвалил это блюдо, говорил, что ни одна женщина не умеет готовить так, как я. А сейчас ест молча, не отрывая глаз от экрана.

– Кстати, – говорю как можно спокойнее, – у меня есть новость.

– Какая? – не поднимает головы.

– Мне позвонили из "Альфа-Девелопмент". Мой проект прошел конкурс. Я получила заказ на дизайн торгового центра.

Олег наконец отрывается от телефона:

– Seriously? Это тот конкурс, на который ты подавала документы полгода назад?

– Да. Представляешь? Из восьмидесяти участников выбрали меня. Это огромный проект, Олег. Двенадцать тысяч квадратных метров, бюджет на дизайн – два миллиона рублей.

Раньше он бы обнял меня, закружил по кухне, сказал бы что-то вроде: "Моя жена – гений!" А сейчас просто кивает:

– Неплохо. Главное, чтобы это не мешало семье. У Арины скоро экзамены, а Данил совсем от рук отбился. Вчера до одиннадцати в компьютер играл.

Вот и все. Моя мечта пятилетней давности, мой профессиональный прорыв – и он беспокоится только о том, чтобы это не мешало семье. А сам в это время водит по ресторанам двадцатилетних девочек.

– Конечно, не буду мешать семье, – говорю сухо.

– Вот и хорошо. А то знаешь, как бывает – женщина добьется какого-то успеха и сразу забывает о главном. А главное у женщины – это муж и дети.

Главное. Интересно, что для него главное? Судя по сегодняшнему вечеру, явно не жена и дети. Хочется швырнуть тарелку ему в лицо, закричать: "А ты думал о главном, когда лапал свою шлюшку?" Но вместо этого киваю и убираю со стола.

В дом врываются дети. Арина с телефоном, наушниками и недовольным выражением лица – обычный набор шестнадцатилетней девочки. Данил с рюкзаком, полным учебников, и вечно растрепанными волосами.

– Привет, предки, – бросает Арина, проходя мимо к холодильнику.

– Здравствуй, дочь, – отвечает Олег, и в голосе появляется теплота, которой не было, когда он разговаривал со мной. – Как дела в школе?

– Кириллова опять доебалась из-за юбки. Говорит, слишком короткая. А у Кати Волковой еще короче, но она же отличница, ей можно.

– Арина, следи за языком, – автоматически делаю замечание.

– Мам, ну серьезно. Двадцать первый век на дворе, а они до сих пор длину юбок измеряют. В Америке вообще в школу в чем хочешь ходят.

– Мы не в Америке, – говорит Олег. – И учительница права. Школа – это не подиум.

Арина закатывает глаза, но спорить не начинает. Берет яблоко и направляется к себе в комнату.

– Как дела, сынок? – спрашивает Олег у Данила.

– Нормально. По математике пятерку получил, – отвечает сын, доставая из рюкзака тетради. – А завтра контрольная по русскому.

– Молодец. Будешь готовиться?

– Да. Мам, ты поможешь?

– Конечно, – улыбаюсь ему. Данил всегда просит помощи у меня, не у отца. Олег хорошо знает математику и экономику, но русский язык для него сложен.

Олег встает из-за стола:

– Пойду в кабинет, поработаю. Документы разберу.

Он уходит, прикрыв за собой дверь. А я остаюсь на кухне с сыном и думаю: вот она, наша семейная идиллия. Муж работает, жена помогает детям с уроками. Все как в рекламе стирального порошка. Только муж при этом изменяет, а жена делает вид, что не знает.

Данил раскладывает учебники на столе. Светлые волосы падают ему на лоб – весь в отца. Такие же серые глаза, такой же упрямый подбородок. Иногда, глядя на сына, я вижу молодого Олега, того студента-экономиста, в которого влюбилась двадцать лет назад.

– Мам, – говорит Данил, не поднимая головы от тетради, – а что такое "семейные ценности"?

Вопрос как удар под дых. Откуда это у четырнадцатилетнего мальчика?

– А зачем тебе? – стараюсь говорить спокойно.

– Учительница задала сочинение на эту тему. Сказала, что семья – это основа общества, и мы должны беречь семейные ценности.

Беречь семейные ценности. Интересно, что сказала бы его учительница, если бы знала, как "бережет" семейные ценности один из родителей?

– Семейные ценности... – повторяю медленно. – Это когда люди уважают друг друга. Когда говорят правду. Когда поддерживают в трудные моменты. Когда не предают.

Данил записывает мои слова в черновик.

– А еще что?

– Еще... когда не лгут. Когда держат слово. Когда думают не только о себе, но и о близких.

Записывает и это. А я думаю: какая ирония. Объясняю сыну семейные ценности, а в соседней комнате сидит человек, который на эти ценности наплевал.

Из кабинета доносится приглушенный голос Олега. Он с кем-то говорит по телефону. Голос тихий, интимный. Не такой, каким он разговаривает с коллегами. Данил ничего не замечает, он увлечен сочинением. А у меня сердце колотится так, что кажется, его слышно на всю квартиру.

– Мам, а как ты думаешь, – спрашивает сын, – взрослые всегда соблюдают семейные ценности?

Вопрос ребенка попадает в самое больное место. Хочется сказать правду: "Нет, сынок. Иногда взрослые оказываются большими детьми, которые думают только о своих желаниях." Но вместо этого отвечаю:

– Взрослые тоже люди. Иногда они ошибаются.

– А что тогда делать?

– Что делать в каком смысле?

– Ну если взрослый нарушил семейные ценности. Что тогда с семьей происходит?

Боже, откуда у него такие вопросы? Неужели что-то заподозрил? Или это просто подростковая философия?

– Зависит от ситуации, – отвечаю осторожно. – Иногда семья прощает и дает второй шанс. А иногда... иногда люди понимают, что больше не могут быть вместе.

Данил кивает и что-то записывает. В кабинете Олега все еще слышится тихий разговор. Я встаю и иду к двери, прислушиваясь.

– ...скучаю по тебе, – говорит мой муж голосом, которым давно не говорил со мной. – Тоже хотел бы сейчас быть рядом... Да, завтра увидимся... Люблю тебя.

Люблю тебя. Эти слова он сказал не мне. В последний раз Олег говорил мне "люблю" несколько месяцев назад, и то автоматически, уходя на работу. А теперь я слышу, как он признается в любви другой женщине, находясь в нескольких метрах от своих детей.

Возвращаюсь к Данилу. Он заканчивает сочинение, старательно выводя в тетради: "Семья – это самое главное в жизни человека, поэтому семейные ценности нужно беречь."

– Готово, – говорит он с довольным видом. – Как думаешь, хорошо получилось?

– Очень хорошо, – отвечаю, и голос почти не дрожит.

В этот момент из кабинета выходит Олег. Лицо у него довольное, расслабленное. Такое бывает у него после особенно удачных деловых переговоров. Или, как теперь понимаю, после разговоров с любовницей.

– Что делаете? – спрашивает он, подходя к нам.

– Данил сочинение писал про семейные ценности, – отвечаю, стараясь, чтобы голос звучал естественно.

– Про семейные ценности? – Олег улыбается и кладет руку на плечо сына. – Правильная тема. Семья – это святое.

Святое. Он произносит это слово с такой искренностью, что на секунду мне хочется рассмеяться истерично. Или заплакать. Или закричать. Но я просто киваю и начинаю убирать со стола посуду.

– Пап, а ты соблюдаешь семейные ценности? – спрашивает Данил с детской непосредственностью.

Олег на мгновение замирает. Я вижу, как напрягаются мышцы его шеи, как он сглатывает. Но голос звучит ровно:

– Конечно, сынок. Для меня нет ничего важнее семьи. Ради вас с мамой и Ариной я готов на все.

На все, кроме верности. Эта мысль проносится в голове, и я крепче сжимаю тарелки, чтобы не разбить их о стену.

– Хорошо, – говорит Данил и зевает. – Пойду спать. Завтра рано вставать.

Он собирает учебники, целует меня в щеку, обнимает отца и уходит к себе. Мы с Олегом остаемся вдвоем на кухне. Первый раз за весь вечер – наедине.

– Хорошие у нас дети, – говорит он, глядя в сторону коридора. – Умные, воспитанные.

– Да, – соглашаюсь. – Хорошие.

– Данил весь в тебя. Такой же вдумчивый, серьезный. А Арина – смесь нас двоих. Твоя красота, мой характер.

Он говорит это тепло, с любовью. И я понимаю: он действительно любит детей. Может, это единственное искреннее чувство, которое у него осталось к нашей семье. К детям – да, а ко мне?

– Олег, – говорю осторожно, – можно тебя кое о чем спросить?

– Конечно. О чем?

Сердце бьется так сильно, что кажется, вот-вот выскочит из груди. Последний шанс отступить, промолчать, сделать вид, что ничего не произошло. Но слова уже просятся наружу:

– Ты счастлив в браке?

Вопрос повисает между нами. Олег медленно поворачивается ко мне, и я вижу в его глазах... что? Удивление? Настороженность? Или облегчение от того, что наконец можно поговорить об этом?

– Почему ты спрашиваешь? – говорит он вместо ответа.

– Просто интересно. Мы редко говорим о таких вещах.

Он молчит, обдумывая ответ. Опирается спиной о кухонный гарнитур, скрещивает руки на груди. Эта поза означает, что он закрывается, не хочет откровенного разговора.

– Мы прожили двадцать лет, – говорит наконец. – У нас двое детей, общее дело, планы. Разве этого недостаточно для счастья?

– Не знаю, – честно отвечаю. – А тебе достаточно?

Снова пауза. Олег отводит взгляд, смотрит в окно. За стеклом мелькают огни ночного города – тысячи людей живут своими жизнями, и каждая семья по-своему несчастна.

– Вера, зачем этот разговор? – говорит он устало. – У нас все хорошо. Стабильно, надежно. Не у всех такая жизнь.

Стабильно. Надежно. Вот и все, что осталось от нашей любви. Когда-то мы мечтали покорить мир, а теперь довольствуемся стабильностью.

– А любовь? – спрашиваю тихо.

– Что любовь?

– Она у нас еще есть?

Олег смотрит на меня долго и внимательно. В его глазах читается столько всего: усталость, раздражение, жалость. Но не любовь. Определенно не любовь.

– Вера, мы взрослые люди, – говорит он наконец. – Любовь... это для молодых. У нас есть что-то большее – ответственность, привязанность, общая история.

Привязанность. Какое отвратительное слово. Так говорят о старой собаке, которую жалко выбросить, но которая уже не радуется.

– Понятно, – киваю я.

– Ты о чем думаешь, Вера? Не задумала ли что-то?

В его голосе появляется тревога. Неужели боится, что я что-то подозреваю? Или просто не хочет менять привычный уклад жизни?

– Ни о чем не думаю, – лгу. – Просто иногда хочется понимать, что мы друг другу.

– Мы семья, – отвечает он твердо. – Это главное.

Семья. За этим словом он прячется, как за щитом. Семья оправдывает все: и отсутствие страсти, и рутину, и даже измены. Главное же – сохранить видимость благополучия.

Олег подходит ко мне, обнимает за плечи. Его прикосновение кажется чужим, формальным. Как объятие дальнего родственника на похоронах.

– Не накручивай себя, – говорит он мне в волосы. – У нас все хорошо. Лучше чем у большинства.

Отстраняюсь от него и иду к раковине – мыть посуду. Нужно что-то делать руками, иначе начну кричать или плакать.

– Я пойду поработаю еще немного, – говорит Олег. – Документы не разберутся сами.

– Конечно, работай.

Он уходит в кабинет, и я остаюсь одна с грязными тарелками и мыслями. Включаю воду погорячее, беру губку. Механические движения успокаивают: намылить, потереть, смыть, поставить в сушилку.

А в голове крутится вопрос: что дальше? Продолжать играть в счастливую семью? Делать вид, что не знаю про его любовницу? Ждать, пока он сам все расскажет? Или когда его поймают кто-то еще?

Из кабинета снова доносятся приглушенные звуки – Олег опять с кем-то говорит по телефону. На этот раз голос деловой, официальный. Наверное, действительно по работе. А может, снова врет, изображает деловую беседу для моего спокойствия.

Теперь я буду сомневаться во всем. В каждом его слове, в каждом жесте, в каждой задержке на работе. Подозрительность будет отравлять все наши взаимодействия. А он даже не догадывается, что его тайна раскрыта.

Заканчиваю мыть посуду и иду проверить детей. Данил уже спит, раскинувшись на кровати поверх одеяла. Укрываю его, целую в лоб. Он сопит тихо, безмятежно. Завтра напишет контрольную по русскому, получит оценку, расскажет друзьям про сочинение о семейных ценностях. А я буду делать вид, что все в порядке.

В комнате Арины горит свет. Стучу в дверь:

– Можно войти?

– Да, заходи.

Дочь сидит за письменным столом с учебниками. Но на экране компьютера не домашнее задание, а социальная сеть.

– Еще долго будешь заниматься? – спрашиваю.

– Минут двадцать. Хочу доделать презентацию по истории.

Подхожу ближе, целую ее в макушку. Арина пахнет шампунем и какими-то подростковыми духами. Моя девочка вырастет, скоро будет совсем самостоятельной.

– Мам, – говорит она, не отрываясь от компьютера, – а ты и папа когда-нибудь ссорились?

Еще один неожиданный вопрос за вечер. Что происходит с детьми? Или они чувствуют напряжение в доме?

– Конечно, ссорились, – отвечаю осторожно. – Все супруги иногда ссорятся.

– А из-за чего?

– Из-за разных мелочей. Деньги, быт, воспитание детей. Обычные семейные вопросы.

Арина кивает, но я вижу, что ее это не удовлетворяет.

– А если супруги сильно поссорятся? Что тогда?

– Тогда они либо мирятся, либо... – не договариваю.

– Либо разводятся?

Слово повисает в воздухе как приговор. Развод. Я никогда серьезно не думала об этом. Даже сегодня, увидев Олега с любовницей, я думала о том, как его вернуть, а не о том, как уйти.

– Иногда и так, – говорю тихо.

– А как дети? Им же больно, когда родители расходятся.

– Конечно, больно. Но иногда это лучше, чем жить в семье, где родители несчастны.

Арина поворачивается ко мне:

– Мам, а ты и папа счастливы?

Второй раз за вечер этот вопрос. Сначала я спросила Олега, теперь дочь спрашивает меня. Неужели наше притворство так заметно?

– А почему ты спрашиваешь?

– Просто... вы какие-то холодные друг с другом. Редко разговариваете. А Каткины родители постоянно обнимаются, шутят. У них видно, что они друг друга любят.

Из уст ребенка. Шестнадцатилетняя девочка видит то, что я пыталась скрыть даже от себя – мы с Олегом давно стали чужими людьми, которые просто живут в одной квартире.

– Мы любим друг друга, – говорю неуверенно. – Просто показываем это по-другому.

– Хорошо, – Арина снова поворачивается к компьютеру. – Я просто подумала... Ладно, неважно.

– Что подумала? Говори.

– Что если вы разведетесь, я буду жить с тобой. А Данил пусть выбирает сам.

Сердце екает. Дочь уже распределяет нас после развода. Значит, она действительно чувствует, что семья трещит по швам.

– Ари, не думай об этом, – говорю, стараясь звучать убедительно. – Мы с папой не разведемся. У нас просто... сложный период.

– Ладно, – соглашается она, но я вижу в ее глазах недоверие.

Выхожу из детской и иду в спальню. Олег все еще в кабинете, разбирает свои документы. Или снова говорит по телефону с той рыжеволосой.

Принимаю душ, переодеваюсь в пижаму, ложусь в постель. Кровать кажется огромной и пустой. Раньше мне нравилось засыпать рядом с Олегом, слушать его размеренное дыхание. А теперь даже мысль о том, что он ляжет рядом, вызывает отвращение.

Через час Олег входит в спальню. Идет в ванную, чистит зубы, переодевается. Все привычные ритуалы человека, готовящегося ко сну в родном доме. Но теперь я знаю: несколько часов назад он целовал другую женщину, говорил ей о любви, строил планы на завтра.

Ложится рядом, устраивается на своей половине кровати. Между нами метр пространства, но кажется, что целая пропасть.

– Спокойной ночи, – говорит он в темноту.

– Спокойной ночи, – отвечаю.

Олег засыпает быстро – через десять минут его дыхание становится глубоким и ровным. А я лежу с открытыми глазами и думаю: вот она, моя жизнь. Рядом спит человек, который меня предает, в соседних комнатах дети, которые чувствуют, что что-то не так. А я должна завтра проснуться и снова играть роль счастливой жены и матери.

Сколько еще продлится этот спектакль? Месяц? Год? До тех пор, пока Олег сам не скажет правду? Или пока я не наберусь смелости задать прямой вопрос?

Глава 4

Лежу в темноте и слушаю размеренное дыхание Олега. Он спит спокойно, как человек с чистой совестью. А я не могу сомкнуть глаз. В голове крутятся вопросы: давно ли это длится? Кто она? Серьезно ли это или просто интрижка среднего возраста?

Поворачиваюсь на бок и смотрю на мужа. В лунном свете, пробивающемся сквозь шторы, его лицо кажется спокойным, почти детским. Никто, глядя на этого человека, не подумал бы, что он способен на предательство. Но сегодня я видела другого Олега – влюбленного, нежного, счастливого. Только не со мной.

Встаю осторожно, стараясь не скрипнуть кроватью. На цыпочках выхожу из спальни и иду на кухню. Включаю чайник – может, горячий чай поможет успокоиться. Но руки дрожат, когда достаю кружку из шкафа.

Что я вообще знаю о жизни своего мужа? Последние годы мы существовали параллельно: он – работа, встречи, командировки; я – дети, дом, клиенты. Мы обменивались новостями за ужином, обсуждали планы на выходные, решали бытовые вопросы. Но когда в последний раз мы говорили по душам? Когда делились настоящими переживаниями, а не списком дел на завтра?

Может, поэтому он нашел кого-то другого. Ту рыжеволосую девочку, которая смотрит на него влюбленными глазами и не знает, что такое школьные собрания и коммунальные счета.

Чай заваривается, а я думаю о том, что стала знакома мужу. Предсказуемой. Утром я пью кофе с молоком, читаю новости про дизайн, собираю детей в школу. Днем работаю с клиентами, решаю их капризы по поводу цвета обоев. Вечером готовлю ужин, помогаю детям с уроками, смотрю сериал. В постели читаю книгу и засыпаю над ней. Где в этой схеме место для страсти, для неожиданности, для того восторга, который я видела в глазах Олега сегодня?

Из спальни доносится шум – муж переворачивается во сне. Сердце подсказывает: вдруг проснулся? Но через минуту дыхание снова становится ровным.

Беру чай и иду к окну. На улице пусто, только редкие машины проезжают по ночному проспекту. В соседних домах горят окна – кто-то тоже не может заснуть. Интересно, сколько женщин в этом городе сейчас лежат без сна, думая об изменах мужей? Сколько семей выглядят благополучными снаружи, а внутри гниют от лжи?

Думаю о сегодняшнем дне. Утром Олег целовал меня на прощание – обычный супружеский поцелуй в щеку. Говорил: "До вечера, дорогая. Буду поздно." Дорогая. Это слово теперь кажется издевательством. Дорогая жена, которая готовит ужин и стирает рубашки, пока муж развлекается с любовницей.

А может, я схожу с ума? Может, та девушка действительно деловой партнер, а их поведение я неправильно истолковала? Держание за руки может означать что угодно. Поцелуй в щеку... ладно, это сложно объяснить деловыми отношениями.

Нет, я не сумасшедшая. То, что я видела, было очевидно даже постороннему человеку. Мой муж изменяет мне. Двадцать лет брака, и он нашел себе молодую любовницу.

Злость поднимается волной. Как он смеет? Как смеет приходить домой, обнимать детей, рассказывать о работе, зная, что обманывает нас всех? Как смеет лежать рядом со мной в постели после того, как целовал другую женщину?

Но злость быстро сменяется болью. Что я сделала не так? Когда стала ему неинтересна? Может, нужно было больше следить за собой, меньше говорить о бытовых проблемах, чаще соглашаться на его идеи? Или дело не во мне, а в нем самом? Кризис среднего возраста, желание почувствовать себя молодым и желанным?

Допиваю чай и понимаю: нужны доказательства. Не могу жить с подозрениями, разъедающими душу. Если Олег изменяет, я должна это знать точно. А потом решать, что делать дальше.

Иду обратно в спальню. Олег лежит на спине, раскинув руки. На прикроватной тумбочке лежит его телефон. Сердце колотится так громко, что кажется, сейчас разбудит всех в доме.

Беру телефон дрожащими руками. Экран заблокирован паролем. Конечно, какая я наивная. Но попробую... набираю дату нашей свадьбы. Не подходит. День рождения Арины. Тоже мимо. День рождения Данила. Нет.

А что если... набираю его собственный день рождения. Экран разблокируется. Неужели Олег настолько самовлюблен, что поставил пароль – собственную дату рождения? Или просто не ожидал, что я буду проверять его телефон?

Открываю мессенджер. В последних сообщениях – переписки с коллегами, со мной, с детьми. Все выглядит обычно. Но в самом верху списка контактов – имя "К. Соловьева" с маленьким сердечком рядом.

Кристина Соловьева. Значит, у любовницы есть имя.

Открываю переписку с трясущимися руками. То, что я читаю, переворачивает мой мир окончательно.

"Скучаю по вчерашнему вечеру ## Когда увидимся снова?"

"Сегодня не получится, семейные дела. Завтра освобожусь после шести."

"Жду не дожусь! Купила то белье, о котором ты говорил ##"

"Ты сводишь меня с ума, котенок. Хочу быть рядом прямо сейчас."

"А я хочу в Сочи на выходных! Ты же обещал..."

"Конечно, поедem. Скажу жене, что корпоративный семинар."

Последнее сообщение датировано вчерашним днем. Корпоративный семинар. А я уже планировала, чем займусь в эти выходные одна с детьми.

Листаю переписку дальше, углубляясь в прошлое. Сообщения идут еще с августа. Значит, роман длится уже полгода. Полгода лжи, притворства, двойной жизни.

"Моя красавица" – так он называет ее. "Солнышко мое" – еще одно прозвище. Когда он в последний раз называл меня ласково? Не помню.

Читаю дальше и узнаю подробности их отношений. Они познакомились на банковской конференции – Кристина работает в конкурирующем банке. Первая встреча в кафе "как коллег". Потом ужин в ресторане. Первый поцелуй в его машине. Первая ночь в гостинице "Хаятт".

"Никогда не чувствовал себя таким живым" – пишет он ей. "Ты вернула мне молодость."

А что вернула ему я за двадцать лет брака? Стабильность, уют, двоих детей? Оказывается, этого мало для счастья.

Продолжаю читать, хотя каждое слово причиняет боль. Они обсуждают мои привычки, мой характер. Олег жалуется, что я стала "слишком домашней", что "говорю только о детях и ремонте". Кристина сочувствует: "Бедненький, как тебе тяжело с такой женой."

Такой женой. Женой, которая двадцать лет поддерживала его карьеру, рожала и воспитывала детей, создавала комфорт в доме. А теперь я – обуза, от которой он отдыхает с молодой любовницей.

В сообщениях есть фотографии. Их совместное селфи в том самом ресторане, где я их видела. Кристина в красивом платье, Олег обнимает ее за плечи. Оба счастливы, оба влюблены. Еще фото – она в каком-то кафе, смеется над чашкой капучино. "Мой ангел за завтраком" – подпись под фотографией.

Ангел. Двадцатишестилетний ангел без растяжек на животе, без мешков под глазами от бессонных ночей с больными детьми, без морщин от многолетних переживаний за семью.

Есть и более интимные снимки. Кристина в нижнем белье в какой-то незнакомой спальне. Олег и она в обнимку на курорте – когда это было? Ищу дату... сентябрь. А мне он говорил, что летал в Москву на совещание.

Читаю дальше и понимаю масштаб обмана. "Командировки в Москву" – свидания в соседнем городе. "Задержки на работе" – ужины в ресторанах. "Корпоративы" – ночи в гостиницах. Вся его жизнь последние полгода была ложью.

А самое страшное – планы на будущее. "Скоро все изменится, котенок. Подожди еще немного." "Дети подрастут, и мы будем вместе." "Хочу проснуться рядом с тобой не в гостинице, а дома."

Дома. В нашем доме, который мы покупали вместе, где растут наши дети, где хранится память о двадцати годах совместной жизни.

В ушах шумит кровь. Кажется, сейчас потеряю сознание. Олег шевелится во сне, и я быстро кладу телефон на место. Бегу в ванную, включаю воду, чтобы заглушить звуки, и рыдаю в полотенце.

Двадцать лет. Половина моей жизни с человеком, который планирует меня бросить. Который уже мысленно живет с другой женщиной, а со мной просто отбывает номер до удобного момента.

Что он ждет? Пока дети закончат школу? Пока я стану совсем старой и некрасивой, чтобы его уход казался логичным? Или просто собирается с духом, чтобы сказать правду?

А может, планирует, чтобы я сама обо всем узнала и подала на развод? Тогда он будет выглядеть жертвой, а не инициатором разрыва. "Жена меня не понимала, детей настроила против меня, вот я и нашел любовь в других объятиях."

Умываюсь холодной водой, стараюсь привести лицо в порядок. Нельзя, чтобы утром дети увидели заплаканную мать. Они и так чувствуют напряжение в доме – вчерашние разговоры это показали.

Возвращаюсь в постель. Олег спит все так же спокойно. Хочется разбудить его, швырнуть в лицо телефон, закричать: "Я все знаю!" Но что это даст? Скандал, слезы, объяснения. Он будет клясться, что любит только меня, что Кристина – ошибка, что больше никогда... А потом станет осторожнее, поменяет пароли, и я буду знать еще меньше, чем сейчас.

Нет, пока промолчу. Нужно подумать, понять, что делать дальше. Я не готова к разводу – ни морально, ни финансово. Мой доход от дизайнера не покроет всех расходов на детей. А Олег, судя по переписке, уже планирует новую жизнь.

Лежу и думаю о Кристине Соловьевой. Какая она? Кроме фотографий и сообщений, я о ней ничего не знаю. Работает в банке, значит, образованная. Молода, красива, свободна. У нее нет детей, нет обязательств. Она может позволить себе быть спонтанной, легкой, интересной. Может поехать с любимым на выходные в Сочи, не думая о том, кто останется с детьми.

А что могу предложить я? Усталое лицо по вечерам, разговоры о школьных проблемах, постоянную занятость работой и домом. Когда я в последний раз была просто женщиной, а не матерью и женой?

Но ведь это несправедливо! Я отдала лучшие годы семье, поддерживала Олега во всех начинаниях, родила и воспитываю его детей. А теперь, когда дети выросли и я наконец могу заниматься карьерой, он решил, что я стала неинтересной?

Вспоминаю молодую Веру – студентку архитектурного факультета с горящими глазами и большими планами. Куда она делась? Растворилась в бесконечных стирках, готовке, родительских собраниях? Или она все еще где-то внутри, просто задавленная грузом обязанностей?

Смотрю на спящего мужа и чувствую, как любовь медленно превращается в презрение. Он лежит спокойно, а я разрываюсь от боли. Завтра он встанет, поцелует меня в щеку, скажет "до свидания, дорогая" и поедет к своей Кристине. А я буду собирать детей в школу, решать рабочие вопросы, готовить ужин для семьи, которая уже давно не семья.

Засыпаю только под утро, когда за окном начинает светлеть. Сон тяжелый, полный кошмаров. Снится, что я иду по бесконечному коридору, открываю двери, а за каждой – Олег с разными женщинами. Все они молодые, красивые, счастливые. А я становлюсь все старше и незаметнее.

Будильник звенит в семь. Олег уже встает, идет в душ. Обычное утро обычного дня. Только я теперь знаю правду.

Глава 5

Олег уезжает на работу, дети разбегаются по своим делам. Остаюсь одна на кухне с чашкой остывшего кофе и мыслями, которые рвут голову на части. Вчерашняя ночь кажется кошмаром, но красные глаза в зеркале напоминают – все было реальностью.

Беру телефон дрожащими руками и набираю номер. Гудки тянутся вечность. Наконец знакомый голос:

– Вера? Доченька, как дела? Что-то рано ты звонишь.

Мама. Людмила Петровна, шестьдесят два года, живет в Новосибирске одна после смерти папы. Мы созваниваемся каждую неделю, но обычно по вечерам. А сейчас утро рабочего дня.

– Мам, – начинаю и сразу понимаю, что голос предает меня. Он дрожит, срывается.

– Что случилось? – тут же напрягается мама. – С детьми все в порядке? Ты заболела?

– Мам, Олег... – и тут меня прорывает. Рыдаю в трубку как маленькая девочка, которая разбила коленку и бежит к маме за утешением.

– Веруша, солнышко мое, что он сделал? – голос мамы становится жестким. Она никогда особенно не любила моего мужа, считала его слишком холодным и расчетливым.

Между всхлипами рассказываю про вчерашний вечер, про ресторан, про рыжеволосую девушку. Про ночную проверку телефона и переписку с Кристиной Соловьевой. Мама слушает молча, только изредка цокает языком.

– Я всегда знала, что этот тип тебя недостойн, – говорит она, когда я заканчиваю рассказ. – Помнишь, как он себя вел на нашей свадьбе? Смотрел на часы, торопился. А его мамаша тогда сказала твоему отцу: «Ваша дочь удачно устроилась». Как будто ты за него замуж вышла из расчета.

Вспоминаю свадьбу двадцатилетней давности. Мама права – Олег действительно выглядел напряженно. А я списывала это на волнение жениха.

– Мам, а ты что-то знала? – спрашиваю, вытирая слезы. – Подозревала?

Долгая пауза. Слышно, как мама вздыхает.

– Знала... не знала. Подозревала, да. Помнишь, на Новый год показывала тебе фотографии из его соцсетей? Корпоративные вечеринки, банкеты. На многих снимках рядом с ним одна и та же девушка. Рыжеволосая, молодая.

Помню. Мама листала Олегов профиль в «ВКонтакте», комментировала фотографии: «Какая красивая коллега у твоего мужа. Прямо модель». А я отвечала: «Это же просто сотрудница, мам. У них дружный коллектив».

– Я думала, может, это действительно просто коллега, – продолжает мама. – Но что-то меня смущало. Слишком они... близко стоят на фотографиях. И он на нее смотрит как-то особенно.

– Почему не сказала мне тогда?

– А что сказать? Подозрения? Ты бы подумала, что я старая склочная свекровь, которая везде видит измены. Да и надеялась, что ошибаюсь.

Встаю и хожу по кухне с телефоном у уха. Мама права была не сказать. Я бы действительно не поверила, разозлилась бы, обвинила в попытке разрушить семью.

– Что теперь делать, мам? – спрашиваю беспомощно. – Я не знаю, как жить дальше.

– А ты что хочешь? Бороться за мужа или... – не договаривает, но я понимаю.

– Не знаю. Честно не знаю. Двадцать лет жизни, дети...

– Веруша, послушай меня внимательно, – голос мамы становится твердым, решительным. Таким он был, когда я была подростком и натворила что-то серьезное. – Ты молодая красивая женщина. Тебе только сорок два. Впереди еще полжизни. Хочешь потратить их на мужчину, который тебя не ценит?

– Но дети...

– Дети вырастут. Арина через два года в институт поступать будет. Данил тоже скоро взрослым станет. А ты что? Будешь сидеть в пустом доме и вспоминать, как муж тебя предавал?

Мама говорит жестко, но справедливо. Именно этого я боюсь больше всего – остаться одной в сорок два с грузом обид и разочарований.

– А может, он одумается? Расстанется с ней, вернется в семью?

– Может, – соглашается мама. – А может, найдет следующую. Веруша, мужчина, который один раз изменил, изменит снова. Это как наркотик – острые ощущения, новизна, чувство собственной неотразимости. Трудно отказаться.

Мне становится тошно от этих слов, но я знаю, что мама права. Она прожила в браке сорок лет, видела разные семьи, знает жизнь.

– Приехать к тебе? – предлагает мама. – Посижу с детьми, а ты разберешься с делами. Или к нам приезжайте все. Отдохнешь, подумаешь спокойно.

– Спасибо, мам, но пока рано. Детям нельзя давать повод для беспокойства. Да и у меня работа...

– Работа, работа, – ворчит мама. – Двадцать лет ты жертвовала карьерой ради семьи. А теперь, когда семья трещит по швам, думаешь о работе. Приоритеты расставляй правильно, дочь.

Но работа сейчас – это единственное, что меня держит. Проекты, клиенты, творчество. То, что зависит только от меня, а не от чужих чувств и решений.

– Мам, а как ты узнала про папины измены? – спрашиваю неожиданно для себя.

Долгая пауза. Мама никогда не говорила эту тему, но я всегда подозревала, что их брак был не таким идеальным, как казался снаружи.

– Откуда ты знаешь? – тихо спрашивает она.

– Догадывалась. Вы иногда так холодно друг с другом разговаривали. И папа часто задерживался на работе.

Мама вздыхает:

– Было дело. Когда тебе лет двенадцать было. Секретарша молодая завелась у него на заводе. Красивая, умная. Он с ума по ней сходил.

– И что ты делала?

– Сначала боролась. Следила, проверяла, устраивала сцены. Потом поняла – бесполезно. Либо он сам выберет семью, либо нет. Принуждать к любви нельзя.

– А папа выбрал?

– В итоге да. Но не сразу. Полтора года мучений было. Я похудела на двадцать килограммов, нервы расшатала. А потом решила: либо развод, либо он заканчивает эту историю. Поставила ультиматум.

– И он согласился?

– Согласился. Та девушка замуж за другого вышла, переехала в другой город. А мы остались вместе еще на двадцать лет. Но, знаешь, что-то между нами сломалось тогда. Доверие потеряла. До конца его дней сомневалась в каждом опоздании, в каждом телефонном звонке.

История родителей пугает меня. Неужели меня ждет то же самое? Годы подозрений, проверок, постоянной тревоги?

– Мам, а ты жалеешь, что не развелась тогда?

– Иногда жалею, – честно отвечает она. – Особенно в последние годы, когда отец болел. Ухаживала за человеком, которому до конца не доверяла. Но тогда, в девяностые, одинокой женщине с ребенком было очень тяжело. Работы нормальной не найти, денег нет. Я побоялась.

– А сейчас?

– Сейчас времена другие. Женщина может сама себя содержать, воспитать детей. У тебя профессия, клиенты, репутация. Ты не пропадешь.

Мама права. Я не та беззащитная домохозяйка, которой была еще пять лет назад. У меня есть доход, есть перспективы в карьере. Но все равно страшно.

– Веруша, – говорит мама мягче, – я не заставляю тебя разводиться. Это твоя жизнь, твой выбор. Но помни: ты достойна любви и уважения. Не соглашайся на меньшее.

После разговора с мамой чувствую себя немного спокойнее. Не так одинока в своем горе. Есть человек, который меня понимает и поддерживает.

Иду в кабинет, включаю компьютер. Работа поможет отвлечься. У меня проект квартиры для молодой пары – им нужно зонировать однушку так, чтобы уютно и функционально. Раньше такие заказы радовали – помогать людям создавать семейное гнездышко. А сейчас думаю с горечью: надолго ли им хватит этой любви?

Звонит клиентка – Анна Петровна, для которой делаю дизайн загородного дома. Пожилая дама, недавно овдовела, решила кардинально изменить обстановку.

– Вера Александровна, у меня к вам необычная просьба, – говорит она. – Можно встретиться не в доме, а в кафе? Хочу поговорить не только о дизайне.

Соглашаюсь. Может, общение с клиентами поможет не думать о личных проблемах. Через час сижу в кафе напротив элегантной седовлавой женщины. Анна Петровна заказывает кофе и смотрит на меня внимательно.

– Вера Александровна, вы не выглядите счастливой, – говорит она прямо. – Что случилось?

Удивляюсь ее прямоте, но почему-то хочется рассказать. Может, потому что эта женщина – почти незнакомая, нет риска осуждения или ненужных советов.

– Семейные проблемы, – говорю уклончиво.

– Муж? – угадывает она сразу.

Киваю, не в силах произнести вслух.

– Знаете, – говорит Анна Петровна, размешивая сахар в кофе, – я прожила в браке сорок два года. Были разные периоды. И страстная любовь, и рутина, и кризисы. Но мы всегда оставались командой. Даже когда не понимали друг друга, знали – мы вместе против всех трудностей.

Она делает глоток кофе и продолжает:

– А вот моя подруга Елена всю жизнь терпела мужа-изменника. Он заводил романы направо и налево, а она прощала «ради детей». В итоге дети выросли циничными, не верят в любовь. А она потратила лучшие годы на человека, который ее не ценил.

– И что вы мне посоветуете? – спрашиваю тихо.

Анна Петровна смотрит на меня долго и внимательно:

– Посоветую честно ответить себе на вопрос: есть ли в ваших отношениях что-то, за что стоит бороться? Или вы держитесь только за привычку и страх перемен?

Вопрос попадает точно в цель. Действительно, что я хочу спасти? Страстную любовь, которой не было уже десять лет? Доверие, которое разбито вдребезги? Или просто привычный уклад жизни, удобный для всех?

– Знаете, что делаю я после смерти мужа? – продолжает Анна Петровна. – Переделываю весь дом. Выбрасываю старую мебель, меняю цвета, планировку. Начинаю жизнь с чистого листа. В шестьдесят восемь лет. А вам всего сорок два.

Смотрю на нее, и мне кажется, что в ее словах есть истина. Сорок два – это не конец, это может быть новым началом.

– Подумайте над моими словами. А проект дома обсудим на следующей неделе. И помните – женщина имеет право на счастье в любом возрасте.

Остаюсь одна с мыслями и остывшим кофе. Анна Петровна права – нужно решить, за что я борюсь. За Олега, который планирует уйти к любовнице? За семью, которая существует только на бумаге? Или за свое собственное спокойствие?

Еду домой через весь город. В маршрутке слушаю разговоры людей – кто-то жалуется на работу, кто-то планирует отпуск, кто-то ругается с кем-то по телефону. Обычная жизнь обычных людей. А я сижу среди них с тайной, которая разрывает меня изнутри.

Дома встречаю Данила. Он делает уроки на кухне, разложив учебники по всему столу.

– Привет, мам, – говорит он, не поднимая головы от тетради. – Как дела?

– Нормально. А у тебя?

– Тоже нормально. Только по физике ничего не понимаю. Папа обещал помочь, но его еще нет.

Смотрю на часы – половина седьмого. Олег обещал быть к ужину. Но теперь я знаю, где он на самом деле.

– Я помогу, – говорю сыну. – Показывай, что не получается.

Полчаса объясняю законы Ньютона четырнадцатилетнему мальчику. Он внимательно слушает, задает вопросы. Мой умный сын, похожий на отца внешне, но такой же добрый и открытый, как я была в его возрасте.

– Мам, а почему у тебя глаза красные? – спрашивает он неожиданно.

– Устала. Много работала сегодня.

– А может, заболела? У тебя голос какой-то хриплый.

Данил смотрит на меня с беспокойством. Дети всегда чувствуют, когда с родителями что-то не так. Нужно быть осторожнее.

– Все в порядке, сынок. Просто не выспалась вчера.

В половине восьмого приходит Арина. Бросает рюкзак в прихожей, проходит на кухню. Видит, что папы нет, и хмурится:

– Опять задержался?

– Да, работает.

– Работает, – фыркает дочь. – У Кати папа тоже «работает» до ночи. А оказалось, что у него любовница есть. Теперь родители разводятся.

Слова дочери попадают в самое сердце. Неужели и другие замечают странности в поведении Олега?

– Ари, не говори глупости, – стараюсь сохранить спокойствие.

– Мам, я же не слепая. Папа последние месяцы какой-то... отстраненный. Домой приходит поздно, с нами почти не разговаривает. А раньше всегда интересовался моими делами.

Арина права. Олег действительно стал отдаляться от семьи. Видимо, погруженность в роман с Кристиной не оставляет сил на детей.

– У папы сложный период на работе, – лгу я. – Новая должность, много ответственности.

– Может быть, – соглашается дочь, но я вижу, что в ее глазах сомнение.

В девять вечера Олег наконец появляется. Входит с виноватым выражением лица:

– Извините, что поздно. Совещание затянулось.

Совещание. С Кристиной Соловьевой в каком-нибудь уютном ресторанчике.

– Ужинать будешь? – спрашиваю механически.

– Не надо, я на работе перекусил.

Конечно, перекусил. Романтический ужин при свечах.

Олег идет в душ, потом в кабинет. Дети расходятся по комнатам. Остаюсь одна убирать со стола и думать о завтрашнем дне. И о послезавтрашнем. И о том, сколько еще таких дней мне предстоит прожить в неведении и притворстве.

Глава 6

Сижу на кровати и пытаюсь собраться с мыслями. Третий день живу с этой страшной тайной, и кажется, что схожу с ума. Олег ведет себя как ни в чем не бывало – целует меня на прощание утром, спрашивает, как дела, рассказывает анекдоты за ужином. А я смотрю на него и думаю: неужели можно так виртуозно лгать двадцать лет?

Вчера он сказал, что в выходные едет на корпоративный семинар в Москву. "Банковское дело стремительно развивается, нужно быть в курсе инноваций", – объяснил он серьезно. А я знаю, что поедет в Сочи с Кристиной. Знаю из их переписки, которую перечитала уже раз пятнадцать, как наркоманка.

Дети что-то чувствуют. Данил вчера спросил: "Мам, почему ты стала такая задумчивая?" А Арина постоянно смотрит на меня изучающим взглядом. Подростки – как локаторы, улавливают малейшие изменения в атмосфере дома.

Не могу больше притворяться. Не могу улыбаться, когда Олег рассказывает очередную ложь о "важном совещании". Не могу готовить ему завтрак, зная, что через час он будет писать своей любовнице сладкие сообщения.

Звук ключей в замке заставляет меня вздрогнуть. Дети возвращаются из школы. Первой врывается Арина – портфель летит в угол прихожей, куртка на пол.

– Мам, ты дома? – кричит она, проходя в гостиную.

– Здесь, – отвечаю, выходя из спальни.

Дочь одним взглядом оценивает мое состояние. Я не накрашена, волосы растрепаны, в глазах усталость. За ней тихо входит Данил, ставит портфель аккуратно у стены.

– Как дела в школе? – спрашиваю автоматически.

– Нормально, – отвечает Арина, но продолжает смотреть на меня внимательно. – Мам, а что с тобой? Ты какая-то... другая последние дни.

Хочется ответить: "Все в порядке, просто устала." Но слова застревают в горле. Не могу больше врать. Хватит лжи в этом доме.

– Садитесь, – говорю детям. – Нам нужно поговорить.

Арина и Данил переглядываются. В их глазах появляется тревога. Дети всегда боятся "серьезных разговоров" – они предвещают что-то плохое.

Устраиваемся на диване. Дети сидят рядом, а я напротив. Как начать? Как сказать детям, что их отец изменяет, что семья, в которой они выросли, оказалась ложью?

– Дети, – начинаю медленно, – у нас в семье... сложная ситуация.

– Ты заболела? – сразу пугается Данил. – У тебя рак?

– Нет, сынок, я здорова. Дело в... в папе.

Арина выпрямляется, а Данил съеживается. Они чувствуют, что сейчас услышат что-то страшное.

– Мам, – говорит Арина тихо, – если это про папину подружку, то я знаю.

Мир останавливается. Слова дочери попадают в меня как удар электрическим током. Она знает? Как?

– Что... что ты сказала? – шепчу я.

Арина смотрит на меня с жалостью – той взрослой жалостью, которая не должна появляться в глазах шестнадцатилетней девочки.

– Я видела их месяц назад в "Гринвиче". Они сидели в кафе на третьем этаже, держались за руки. Она красивая, рыжая, намного младше тебя.

Чувствую, как земля уходит из-под ног. Дочь знает уже месяц. Месяц молчала, берегла мое спокойствие.

– Почему... почему не сказала мне? – с трудом выдавливаю слова.

– А что сказать? – пожимает плечами Арина. – Что папа изменяет? Ты бы мне поверила? Или обозлилась бы, что я ложь про отца придумываю?

Она права. Месяц назад я бы действительно не поверила, разозлилась бы, обвинила дочь в попытке очернить отца.

Поворачиваюсь к Данилу. Он сидит молча, опустив голову. Слишком спокойно для такой новости.

– А ты? – спрашиваю сына. – Ты тоже знал?

Данил поднимает глаза. В них стыд и боль.

– Пашка Волков показывал фотки в интернете, – говорит он тихо. – Папа с какой-то теткой в ресторане обнимается. Пашка смеялся: "Смотри, твой папан с молодухой развлекается." Я дал ему по морде.

Сердце разрывается. Мой четырнадцатилетний сын дрался из-за моей чести, защищал семью, которая уже разрушена. А я в это время планировала романтический ужин с мужем-изменником.

– Данечка, – беру сына за руки, – почему не рассказал?

– А зачем? – он пожимает плечами. – Чтобы ты плакала? Думал, может, папа одумается, перестанет. А если нет... ну что толку тебе знать?

Мои дети. Мои умные, взрослые, понимающие дети. Они знали правду и молчали, чтобы защитить меня от боли. А я думала, что оберегаю их, скрывая семейные проблемы.

– Дети, – говорю, стараясь держать голос ровным, – что вы об этом думаете?

Арина вздыхает и откидывается на спинку дивана:

– Думаю, что папа дурак. У него есть ты, мы, нормальная семья. А он все это разрушает ради какой-то молодой дуры.

– Арина, не говори так.

– А как говорить? – вспыхивает дочь. – Она же знает, что он женат. Знает, что у него дети. Но ей плевать. Главное – заполучить успешного мужика с деньгами.

В словах Арины столько злости и презрения. Моя дочь ненавидит ту женщину, которую даже не знает. Ненавидит за то, что та разрушает ее семью.

А Данил молчит, сжав кулаки. Вижу, как напряжены его плечи, как дрожат губы. Он сдерживается, не хочет плакать при женщинах.

– Сынок, – говорю мягко, – что ты чувствуешь?

Данил долго молчит, потом поднимает на меня глаза, полные слез:

– Я чувствую, что папа нас больше не любит. Что мы ему надоели. Что та тетка важнее нас.

Слова сына пронзают насквозь. Вот что делает измена с детьми – они начинают сомневаться в родительской любви, чувствовать себя ненужными.

Обнимаю Данила, прижимаю к себе. Он большой уже, почти с меня ростом, но сейчас кажется маленьким мальчиком, который боится, что папа его бросит.

– Данечка, папа вас очень любит, – говорю, глядя сына по голове. – То, что происходит между нами с папой, никак не касается его отношений с вами.

– Неправда, – всхлипывает Данил. – Раньше он со мной в футбол играл, домашку проверял, в кино водил. А теперь только работа, работа. Даже не помнит, когда у меня контрольные.

Правда. Олег действительно отдалился от детей за последние месяцы. Весь поглощенный романом с Кристиной, он забыл о родительских обязанностях.

Арина подсаживается ближе, обнимает нас с Данилом. Мы сидим втроем на диване – мать и двое детей, брошенных отцом ради молодой любовницы.

– Мам, – говорит Арина тихо, – ты же не разведешься? Я не хочу жить то у мамы, то у папы, как Катька Волкова.

Катка Волкова – одноклассница Арины, родители которой развелись два года назад. Девочка мечется между двумя домами, не может привыкнуть ни к одному. Арина видит ее мучения и боится повторить этот опыт.

– Не знаю пока, – отвечаю честно. – Сначала нужно поговорить с папой. Выяснить, что он собирается делать.

– А если он выберет ее? – спрашивает Данил, вытирая слезы.

Вопрос, которого я боюсь больше всего. Что, если Олег действительно решит уйти к Кристине? Что, если эти двадцать лет брака значат для него меньше, чем полгода страсти с молодой женщиной?

– Тогда мы будем жить втроем, – говорю, стараясь звучать уверенно. – И ничего страшного в этом нет. Многие семьи так живут.

– А деньги? – практически спрашивает Арина. – Папа же больше зарабатывает.

Умная девочка, понимает экономическую сторону развода. Без Олеговой зарплаты нам придется серьезно урезать расходы.

– Я работаю, у меня есть клиенты, – отвечаю. – Может, будет сложнее, чем сейчас, но мы справимся.

– Я могу подрабатывать, – предлагает Арина. – В "Макдональдсе" старшеклассников берут.

– А я репетиторство по математике давать буду, – добавляет Данил. – Я же хорошо решаю, младшеклассников научу.

Сердце сжимается от нежности. Мои дети готовы работать, чтобы поддержать семью. В шестнадцать и четырнадцать лет они уже понимают ответственность, готовы взрослеть раньше времени.

– Спасибо вам, – говорю, обнимая их крепче. – Но пока до этого не дошло. Сначала я поговорю с папой.

– Мам, а если он не захочет расставаться с той теткой? – спрашивает Арина. – Если скажет, что любит ее больше нас?

– Тогда... тогда мы будем жить без него. И будем счастливы, потому что останемся друг у друга.

Слова звучат бодро, но внутри все сжимается от страха. Смогу ли я одна воспитать двоих подростков? Хватит ли денег, сил, терпения? А главное – смогу ли дать им ту любовь и поддержку, которую они потеряют, лишившись отца?

– Мам, – говорит Данил вдруг, – а ты папу еще любишь?

Вопрос как удар в солнечное сплетение. Люблю ли я Олега после всего, что узнала? После его лжи, предательства, равнодушия к детям?

– Не знаю, сынок, – отвечаю честно. – Я любила того папу, которого знала раньше. А сейчас оказывается, что я его совсем не знаю.

– Значит, тот папа был ненастоящий? – спрашивает Данил.

Детская логика, но верная. Тот Олег, которого я любила двадцать лет, действительно оказался иллюзией. Настоящий Олег способен лгать, изменять, планировать побег из семьи.

– Возможно, – киваю я.

Арина вдруг выпрямляется, в ее глазах появляется решимость:

– Мам, а знаешь что? Если папа нас бросит, то он многое потеряет. Он потеряет меня – я не буду с ним общаться. Потеряет Данила – он же на папу обиделся уже. А мы останемся вместе, и нам будет хорошо.

– Ари, не говори так. Папа ваш отец, что бы ни случилось.

– Отец – это не тот, кто зачал, – говорит дочь с недетской мудростью. – Отец – это тот, кто рядом, кто заботится, кто любит. А если папа выберет чужую тетку... значит, он нам не отец.

В словах Арины столько боли и разочарования. Моя дочь взрослеет на глазах, теряет детскую веру в родительскую любовь.

– Дети, – говорю, стараясь подобрать правильные слова, – что бы ни случилось между мной и папой, ваша жизнь не должна кардинально измениться. Вы будете ходить в ту же школу, жить в этой же квартире, встречаться с теми же друзьями.

– А как же дача? – спрашивает Данил. – Мы каждые выходные к бабушке с дедушкой ездили.

Дача. Участок в Широкой Речке, где мы проводили все лето. Где Олег учил детей плавать в озере, где мы жарили шашлыки и играли в бадминтон. Эта дача принадлежит Олеговым родителям. После развода нам туда дорога будет заказана.

– Найдем другое место для отдыха, – обещаю. – Может, снимем домик где-нибудь на лето.

– А новогодние поездки? – продолжает Данил. – Мы же каждый год в отпуск всей семьей ездили.

Таиланд в прошлом году, Турция позапрошлым, Крым, когда денег было меньше. Семейные традиции, которые рушатся вместе с семьей. Как объяснить детям, что теперь не будет совместных фотографий на фоне моря, общих впечатлений, тех особенных моментов, которые связывают семью воедино?

– Мы будем путешествовать вдвоем, – говорю, хотя понимаю: на мою зарплату дизайнера такие поездки будут редкостью. – Может, не так часто, как раньше, но будем.

Арина вдруг встает и подходит к окну. Стоит спиной к нам, смотрит на вечерний город. В профиль она очень похожа на меня в ее возрасте – такой же упрямый подбородок, такие же тонкие плечи.

– Ты знаешь, мам, – говорит она, не оборачиваясь, – может, это даже к лучшему.

– Что ты имеешь в виду? – удивляюсь я.

Арина поворачивается. В ее глазах нет детских слез – есть взрослая решимость.

– Последний год в нашем доме было как-то... неудобно. Папа стал какой-то чужой. Приходит, ужинает молча, в телефон уткнется и сидит. На мои рассказы про школу вообще не реагирует. А с Данилом вообще не разговаривает, только "как дела" и "учись хорошо".

Данил кивает:

– И еще он стал злой какой-то. Раньше, если я двойку получал, спокойно объяснял, где ошибся. А теперь сразу кричит: "Когда же ты наконец возьмешься за ум!"

Дети правы. Олег действительно изменился, стал равнодушным к семье. Весь его эмоциональный ресурс уходил на отношения с Кристиной. Для нас оставались только раздражение и усталость.

– А ты, мам, тоже изменилась, – продолжает Арина. – Стала грустная какая-то, задумчивая. Думала, это из-за работы. А теперь понимаю – ты чувствовала, что что-то не так.

Умная девочка. Подростки действительно все чувствуют, даже когда взрослые стараются скрыть проблемы.

– Получается, наша семья уже давно не семья, – говорит Данил тихо. – Мы просто живем в одной квартире, как соседи.

Слова сына попадают точно в цель. Он прав – последний год мы действительно были не семьей, а группой людей, вынужденных делить жилплощадь. Каждый жил своей жизнью, своими проблемами. Общие разговоры касались только быта: кто забыл выключить свет, почему закончился хлеб, когда родительское собрание.

– Знаете что, – говорю решительно, – давайте попробуем честно жить хотя бы мы вдвоем. Без недомолвок, без притворства. Если у вас проблемы – рассказывайте мне. Если я расстроена – не буду делать вид, что все в порядке.

– Договорились, – кивает Арина. – Кстати, мам, у меня есть парень. Его зовут Максим, он на год старше. Мы встречаемся уже три месяца.

Новость как гром среди ясного неба. Моя шестнадцатилетняя дочь встречается с мальчиком, а я об этом не знала. Вот до чего довело семейное отчуждение – дети скрывают от родителей важные события своей жизни.

– Почему не рассказывала? – спрашиваю, стараясь не выказать удивления.

– А когда? – пожимает плечами Арина. – Папа вечно на работе, ты вечно занята проектами. Да и боялась, что запретите встречаться.

– А он хороший? – спрашиваю.

– Хороший. Учится на год старше, в параллельном классе. Не курит, не пьет, родители у него нормальные. Хочет стать программистом.

Арина рассказывает о своем Максиме, и я понимаю: она счастлива. В ее глазах появляется тот особенный блеск, который бывает только у влюбленных. Моя дочь растет, и у нее появляются собственные привязанности.

– А у меня девочка нравится, – неожиданно признается Данил. – Лена Кравцова из параллельного класса. Но я не знаю, как с ней познакомиться.

Сердце сжимается от нежности. Мой четырнадцатилетний сын влюбился. Первая любовь, такая робкая и трогательная.

– Расскажи о ней, – прошу я.

Данил краснеет, но начинает рассказывать. Лена отличница, занимается танцами, красивая и добрая. Данил уже месяц собирается с духом, чтобы подойти к ней после урока.

Сидим на диване и разговариваем – может быть, впервые за последние годы так открыто и честно. Дети рассказывают о своих переживаниях, я делюсь своими страхами насчет будущего. Мы становимся ближе, чем были очень давно.

– Мам, – говорит Арина вдруг, – а ты красивая. Просто последнее время какая-то потухшая была. А сейчас, когда мы разговариваем, ты совсем другая.

– Какая?

– Живая. Настоящая. Не знаю, как объяснить. Раньше ты все время играла роль идеальной жены и мамы. А сейчас ты просто мам. И это лучше.

Слова дочери заставляют задуматься. Действительно, последние годы я играла роль – роль счастливой супруги успешного банкира. Улыбалась на корпоративах, поддерживала светские беседы, изображала благополучие. А настоящая Вера где-то пропала за этой маской.

– Мам, – говорит Данил осторожно, – а когда ты поговоришь с папой?

Вопрос, которого я боюсь. Разговор с Олегом неизбежен, но я все откладываю его. Боюсь услышать правду. Боюсь, что он скажет: "Да, я ее люблю больше, чем тебя."

– Скоро, – отвечаю. – Может, сегодня вечером.

– Мы можем пойти к друзьям, – предлагает Арина. – Чтобы вы спокойно поговорили.

– Спасибо, но не надо. Этот разговор касается всей семьи. Если папа что-то решил, вы должны это знать.

В этот момент слышим звук ключей в замке. Олег возвращается домой. Дети напрягаются, я чувствую, как учащается пульс. Сейчас он войдет, поцелует меня в щеку, спросит про дела – и я буду знать, что все это ложь.

– Я дома, – голос из прихожей такой обычный, домашний.

– Мы в гостиной, – отвечаю.

Олег входит, снимает галстук. Видит нас троих на диване, удивляется:

– Семейный совет? Что-то случилось?

Смотрю на мужа и понимаю: сейчас или никогда. Дети знают правду, я знаю правду. Пора перестать притворяться.

– Да, Олег, – говорю спокойно. – Случилось. Садись, нам нужно поговорить о Кристине Соловьевой.

Лицо мужа бледнеет. Галстук выпадает из его рук и падает на пол. А дети смотрят на него с такой взрослой печалью, что сердце разрывается.

В квартире повисает тишина. Тишина, которая означает конец одной жизни и начало совершенно другой.

Глава 7

Олег стоит посреди гостиной бледный как мел. Галстук у его ног кажется каким-то символом – последняя деталь образа идеального семьянина, которая упала и больше не поднимется.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – произносит он наконец, но голос выдает его. Дрожит, прерывается.

– Олег, дети все знают, – говорю спокойно. – Арина видела вас в торговом центре. Данил знает про фотографии в интернете. А я читала ваши сообщения в телефоне.

Последняя фраза действует как пощечина

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.